

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

СТАРАЯ ДОБРАЯ ВОЙНА

ДРУГ МОЙ, ЧТО ЖЕ МЫ НАДЕЛАЛИ!

Донбасс

Александр Тамоников
Старая добрая война

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Старая добрая война / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2015 — (Донбасс)

Дмитрий Шрамко и Роман Середин вместе учились в военном училище, вместе воевали на Северном Кавказе. Тогда их связывала настоящая крепкая дружба. После тяжелого ранения Середин уволился из армии, но на гражданке пробыл недолго: знойным тревожным летом он в качестве ополченца поехал на Донбасс. Однажды, наблюдая в бинокль за командным пунктом противника, Роман неожиданно увидел Дмитрия Шрамко в натовском камуфляже, с шевроном ВСУ. Не веря своим глазам, Роман связался с Дмитрием по радиации, и бывшие друзья договорились тайно встретиться на нейтральной полосе, чтобы поговорить по душам. К несчастью, их разговор подслушал заместитель Шрамко, лейтенант украинской армии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Тамоников

Старая добрая война

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.
От автора*

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава первая

В бытовке курсант Шрамко мучился с просушкой подворотничка. Утюг на свободной доске то нагревался до кипения, то остывал. Хорошо, что курсант успел прогладить куртку и брюки, с выстиранными подворотничками повезло меньше.

– Твою мать, и что за утюг?

Гладивший рядом товарищ по взводу усмехнулся:

– Что, Шрам? Сломал утюг, ну, теперь «хомут» заставит тебя новый купить.

«Хомутом» в военном училище, да и в войсках вообще часто называли старшину роты.

– А не шел бы он! Слышь, мужики, дайте подворотничок догладить! Осталось всего ничего.

– Бери, я пойду покурю в курилке, – пошел навстречу его сосед по глажке.

Шрамко перешел за другую доску и в считанные минуты исправным утюгом высушил кусок белой материи. Теперь осталось в кубрике подшить его, повесить форму на стул, и в кровать, отдохнуть до получения оружия, когда первый взвод десятой роты заступал в караул. Сколько уже их было за почти четыре года обучения в Переславском военном училище? Караулы не считали, дожидаясь последнего, как говорится, дембельского.

Вернув утюг подошедшему товарищу, Шрамко забрал форму, прошел в кубрик, присел на стул, достал из ящика иголку с ниткой. Тут появился друг Шрамко, курсант третьего взвода Роман Середин, присел на соседний стул:

– Думал, не успею.

– В смысле? – поднял на друга удивленный взгляд Шрамко.

– Слушай, Дим, ты на какой пост заступаешь?

– На четвертый.

– Пост длительного хранения техники и складов «НЗ», самое то.

– А в чем, собственно, дело, Рома?

– Ночью когда стоять будешь?

– Это смотря что ночью считать. У меня смена с 20.00 до 22.00, затем резерв, отдых, потом на пост с двух до четырех.

– Отлично!

– В «самоход», что ли, собрался?

– Да.

– И кто же твою Алину ночью из дома выпустит?

– Сам удивился, когда она позвонила и спросила, смогу ли я подойти к трем часам. Наверное, есть что важное сказать.

– Может, папенька ее изменил свое отношение к тебе?

– От него дождешься, – вздохнул Середин. – Ему зять офицер на хрен не нужен. Как же, местный олигарх, мебельный салон имеет, да еще с десятков подпольных цехов. Он уже нашел жениха для дочери. Да только не выйдет у него ничего.

– Как знать, Рома. Или думаешь, он не просчитывает варианта, что после выпуска его совершеннолетняя дочь может просто сбежать с тобой? Просчитывает, потому как в части, куда пошлют, он вас уже не достанет.

– Пусть просчитывает. Мы сделаем так, что все его просчеты пустыми окажутся. Но вот почему она сегодня меня ночью вызывает? Не могу понять.

– Наверное, Алиночка решила не ждать выпуска, а сегодня из хаты свалить, – улыбнувшись, предположил Шрамко.

– Ей еще школу закончить надо. И потом, куда я ее дену? Не в училище же больше месяца прятать?

- Почему нет? Да и хату снять в городе по-тихому не проблема.
- Не прокатит. Ну ладно, посмотрим, что там у нее. Так я через твой пост пройду?
- По форме или в спортивном?
- В спортивном, конечно, до их коттеджного поселка по «железке» километров пять.
- Во сколько двинешь?
- Сразу после смены поста, где-то в 2.20. Вернусь через час-полтора.
- Лады. Фонарь не забудь, а то сиганешь сдуру через забор и попадешь под очередь. На

территории поста всего два прожектора. Не различишь, свой или кто из бандюков, а может, дезертир из батальона ополчения. Месяца не прошло, как бойца из БОУПа похоронили. Дернуло солдата через пост пойти. Правда, он в хлам был, но от этого не легче. Получил пять пуль, и «до дому, до хаты» в цинковом гробу.

– Фонарь возьму, пойду трезвым, сигналы прежние. Из училища подойду к посту от полосы препятствий, обратно со стороны железной дороги, напротив караульной вышки.

– Договорились.

– Не усни.

– Я не сплю на посту. Привычка уже дурная выработалась за четыре года. В караулке в резервной смене голова на стол так и клонится, два часа отдыха пролетают секундой сна, на построение выходишь сонной мухой, а стоит прийти на пост, все, сон как отшибает.

– Ладно, подшивайся, отдыхай, я на самоподготовку. Ночью встретимся.

– Давай! Но знай, Рома, не нравится мне что-то этот «самоход». Что уж такого могло произойти, чтобы Алина решилась выйти из усадьбы в темную рощу, да еще в такое время?

– Но позвонила же, вызвала.

– А по телефону объяснить не могла?

– Не знаю, Дим, сам голову ломаю, что за дела. И теперь, пока не дойду до нее, не успокоюсь.

– Сам не пробовал ей позвонить?

– Не отвечает.

– Говорю, что-то не то.

– Пошел! – отмахнулся Середин.

– До встречи. Первый сигнал – от полосы препятствий, я возле вышки буду.

– Спасибо.

– Спасибо в карман не положишь. В увольнении пузырь с тебя.

– Договорились.

Середин ушел на построение третьего и четвертого взводов для следования в учебный корпус на самоподготовку, Шрамко подшил подворотничок, повесил форму и шмыгнул под простынь, поспать пару часов, пока дежурный не проорет: «Взвод! Подъем!» Больше всего Дмитрий ненавидел эту команду, совсем другое дело «Отбой!». Значит, день прошел, и черт с ним.

Время в училище летит быстро. Подъем, туалет, физическая зарядка, приведение в порядок, уборка, построение на утренний смотр, занятия, обед, свободное время, самоподготовка, ужин, спортивные мероприятия, вновь немного свободного времени, вечерняя прогулка, проверка, отбой. И все время – построения, команды, ничего без команды.

Из класса учебного корпуса Середин смотрел, как на небольшом плацу возле штаба прошел развод караула и внутреннего наряда, как курсанты, заступившие в наряд, под барабанный бой прошли мимо нового дежурного и направились по местам несения службы. Он несколько раз пытался дозвониться до Алины, но все бесполезно, ее телефон молчал. Не давала покоя мысль, что же вынудило девушку, за которой строго следили родители, вызвать его ночью в рощу за коттеджным поселком, тем более она понимала, что ни о каком увольнении речи быть не может и курсанту придется идти в самоволку, за что предусмотрено наказание, как мини-

мум лишение увольнения да пара нарядов вне очереди. А ведь они договорились встретиться в субботу, спокойно, в городе, ни от кого не скрываясь, ну, разве что от ее родителей. Отец Алины, достаточно крупный предприниматель в Переславле Максим Юрьевич Ухватов, да и мать, Лариса Сергеевна, мягко говоря, были не в восторге от выбора дочери.

Они познакомились в школе, куда курсантов отправляли для проведения встреч с учениками, внедряя в молодые мозги идеи о том, что нет ничего благородней, как, не жалея здоровья и жизни, защищать свою Родину. В отличие от других, Алина слушала выступающего Середина внимательно. А потом, на танцевальном вечере, сама пригласила Романа на «белый» танец. Они познакомились. Он проводил ее домой. В выходные встретились, гуляли по городу, она рассказывала о себе, он о себе, хотя ему и рассказывать было нечего, родители умерли рано, сначала отец, за ним мать, у обоих рак. Загребел бы в детский дом, но дед оформил опеку. Школу окончил в Луганске и сразу по окончании поступил в училище. Ему нравилось, что девушка слушает внимательно, а не делает вид, что ей интересно...

И теперь остался всего лишь год, Алине исполнится восемнадцать, он закончит обучение, и после выпуска они уедут в Луганск, где и поженятся. И вдруг этот странный звонок – может ли он прийти к ней ночью? Конечно, может, но что повлияло на Алину, раз она решилась на такой отчаянный поступок? А если узнает отец? Что-то не так. Но что?

После отбоя Середин лег в свою койку. Спортивный костюм он еще вечером забрал из каптерки, с заступившими в наряд по роте ребятами договорился, что уйдет в «самоход», и надо только дождаться нужного времени. Оно же, как назло, тянулось очень медленно. Казалось, прошло не меньше получаса, а посмотришь на часы, стрелки сдвинулись всего на пять минут. Хоть и медленно, но время все-таки подошло. В 1.3 °С Середин поднялся, надел спортивный костюм, и вдруг в роту с проверкой явился дежурный по части. Заступил преподаватель кафедры тактики, отличавшийся своим рвением по службе. Если он проверял подразделения, то делал это тщательно.

Пришлось одетым снова прыгнуть в постель. Дежурный по роте включил в кубрике дежурное освещение, полковник не поленился, прошел рядами между кроватями, проверяя каждого курсанта. И не просто проверяя, если кто-то накрылся простыней с головой, отбрасывал ее, желая убедиться, что все на месте. Обход дежурного отнял двадцать минут. С одной стороны, теперь надо было торопиться, а с другой, дежурный больше не придет в казарму. Не попасться бы ему на территории. Полковник иногда устраивал «ловушки». Встанет где-нибудь в темноте за деревом между казармами и стоит. Самовольщики, не видя угрозы, выходят из казармы и сразу попадают в руки дежурного, который отправляет всех без разбора в караулку на гауптвахту. Но кто не рискует... тот в «самоход» не ходит. Середин не являлся «самоходчиком», однако сегодня была другая ситуация, он должен был уйти. И он пошел. Через окно в кусты, от кустов к общежитию, оттуда к уличному туалету, мимо лаборатории к полосе препятствий. От нее до четвертого поста метров сто...

Середин сразу увидел Шрамко.

Тот тоже смотрел в его сторону, но видеть товарища не мог. На полосе препятствий темно, на посту же светят два прожектора. Середин достал из кармана маленький, но довольно мощный фонарь, направил его на Шрамко и трижды моргнул. Три короткие вспышки – запрос, может ли часовой ответить. Увидел в ответ две короткие, длинную, с задержкой, и вновь короткие вспышки. Сигнал – да. То есть он на посту один, можно подойти.

Роман аккуратно приподнял кусок колючей проволоки, проскользнул под ней и, оказавшись на посту, подбежал к Шрамко.

– Двадцать минут третьего. Чего задержался? Уснул? – показывая на часы, недовольно проговорил тот.

– Какой там! Хотел уже свалить, как дежурный по училищу явился.

– Борода? Серьезный мужик. Ничего не заметил?

– Если бы заметил, разве я проскочил бы?

– Не проскочил бы. Ладно, давай двигай быстрее, Дуб предупредил через третий пост, что Борода пошел проверять парк боевых машин, оттуда точно сюда придет.

Дуб – разводящий, командир отделения Шрамко сержант Валерий Дубинин. Нормальный парень, отличник, между прочим, а Дубом прозвали из-за фамилии. У каждого имелось свое прозвище. Шрамко иногда называли Шрамом, Середина – Середой, взводного, что сейчас исполнял обязанности начальника караула, старшего лейтенанта Чубатова – Чубом, ротного капитана Черненко – Черенком или Генсеком, по фамилии одного из бывших руководителей Советского Союза, и так далее, от рядового до начальника училища. Традиция.

– Понял, Дим, понял!

– На «железке» поаккуратней!

– Само собой.

– Ремень взял?

– Взял.

– Это правильно, с ним ночью спокойней как-то в городе.

У многих курсантов имелся в запасе ремень с бляхой, на котором была выдавлена звезда. Бляху затачивали, и она, на мягком кожаном ремне, наматываемом на руку одним движением захлеста, была грозным оружием. Особенно против придурков, вооруженных ножом, битой или «травматом». Штатские в большинстве своем знали об этом и, перед тем как наехать на курсанта, высматривали, есть ли у него ремень.

– Ты, если что, предупреди сменщика обо мне, а то вдруг опоздаю, и жди твоей следующей смены четыре часа. Чистое «попадалово».

– Ладно, но ты постарайся не опоздать.

– Постараюсь.

– Удачи, и привет Алине!

– Передам.

Середин подбежал к бетонному забору, легко, как на полосе препятствий, перемахнул через него, перебежал дорогу и спустился к железной дороге. По ней до коттеджного поселка дальше, но безопасней, по крайней мере, гарнизонные патрули не шатались. Набрав полные легкие свежего воздуха и резко выдохнув, Роман побежал по ровной части насыпи. Вскоре мимо прошел грузовой состав, взвизгнув сиреной, пролетела в попутном направлении электричка. Пять с лишним километров Середин преодолел за двадцать пять минут и в 2.50 двинулся в рощу, что примыкала к тыловым забороам коттеджного поселка, и, выйдя прямо к усадьбе Ухватовых, остановился, переводя дыхание, и взглянул на часы – ровно три часа. Алина просила подойти именно к трем, он на месте, а ее нет. Но это еще ничего не значит, ей гораздо сложнее выйти из дома и пройти садом до тыловой калитки, чем ему пробежать пятикилометровый кросс по железной дороге. 3.15. Ситуация та же. Роман и до этого волновался, сейчас же он начал нервничать. В голове вертелся один и тот же вопрос: что случилось?

Внезапно слева из-за поворота выехала черная «Хонда», осветив фарами дорогу и часть рощи, и остановилась прямо между ним и забором усадьбы Ухватовых.

Середин сразу почувствовал опасность, и рука его легла на ремень, скрытый курткой.

Из автомобиля вышли четверо. Трое парней и девушка, впрочем, раскрашенное чучело девушкой можно было назвать условно. Все четверо были одеты одинаково: черные туфли, у девицы с каблуками, черные кожаные брюки в обтяжку, черные майки с белыми двойными молниями, знаком принадлежности к какой-то радикальной организации. Знак сильно напоминал тот, который носили гестаповцы в фашистской Германии. Парень, что был за водителя, встал у дверки, не отходя от машины, второй зашел слева, третий парень и девица справа.

Середин оценил угрозу. Пацаны посещают спортивный зал, но лишь для того, чтобы качаться, возможно, они еще и в бассейне плавают, держат вес, но вот о рукопашном бое понятия не имеют, не так расставились, как надо.

– Привет, солдатик! – рассмеялся один из парней.

– Это тебе предстоит отслужить срочную, если не отмажут, а мне таким чмо командовать, – спокойно ответил Роман.

– Ух ты, командир нашелся! Чего или кого ждем, командир?

– Твое какое дело?

– Интересно.

– Гуляю я здесь. А вы ехали бы своей дорогой! Здоровее будете.

Девушка обернулась к старшему, который легко угадывался в парне, судя по всему, владельцу машины:

– Эдя! Этот сапог борзее, тебе не кажется?

Середин вздрогнул. Только что он услышал голос Алины, но принадлежал этот голос раскрашенной индейцем девушке. И тут все стало понятно. Его выманили сюда, и Эдя – не кто иной, как Рудин Эдуард, выбранный отцом Алины в ее женихи.

– Помолчи, Оса! – крикнул Эдуард девушке и снова взглянул на Середина: – Я думал, командиры умными должны быть. Ну, по крайней мере не лохами. А ты лоханулся, курсант. Повелся на такой дешевый развод. Разве вышла бы Алина ночью одна из дома?

– Значит, от имени Алины мне звонила эта крашенная сучка?

– Ты за базаром-то следи, сапог, а то ответить придется.

– Ясно, – вздохнул Роман. – Ладно, будем считать, я лоханулся, что дальше?

– Дальше? – переспросил Эдик и повернулся к тому, что стоял справа от курсанта: – Кирия, передай корешку то, что просили передать Максим Юрьевич и Лариса Сергеевна.

– Ага, это мы с удовольствием.

Подойдя вплотную к Середину, Кирия вдруг без замаха нанес ему довольно сильный удар в лицо. И вынес бы челюсть, если бы не реакция курсанта. Роман успел отклониться влево, и кулак прошел вскользь. Середин устоял бы, но сделал шаг назад, и левая нога провалилась в яму для сбора павшей листвы. Упав на спину, он сдернул с пояса ремень и одним движением намотал его на правую руку. К несчастью для неизвестных, они этого в темноте не заметили. Раздраженный тем, что удар не получился, Кирия решил прыгнуть на лежащего, чтобы нанести удар ногами, но Роман уже был готов к бою. И, как только Кирия прыгнул, откатился в сторону, взмахнув правой вооруженной рукой. Заточенная бляха рассекла штаны и кожу неудавшегося бойца. Из раны брызнула кровь, а от боли и неожиданности Кирия завалился на бок. Середин вскочил, и перед ним оказалась бросившаяся тигрицей девушка. С ней проще, выставленная вперед рука, и Оса сама налетела раскрашенной физиономией на кулак. Рухнула на спину и потеряла сознание.

– Мочи его, Юрок! – истерично выкрикнул Эдик.

Но взмах вооруженного бляхой курсанта заставил бандита схватиться за руку, которая мгновенно обогрелась кровью, и сесть на корточки. Удар ногой опрокинул его навзничь.

Эдик, поняв, что игра проиграна, бросил своих товарищей и, запрыгнув в «Хонду», рванул по дороге к крайним участкам.

Рома успел запомнить номера и даже сделать вмятину в заднем крыле, метнув вдогонку машине увесистый камень.

Главарь сбежал, его подельники корчились на полянке. Девушка уж пришла в себя и потрянула головой.

– Мне «Скорая» нужна! – простонал Кирия.

– Мне тоже, – вторил ему Юрок.

– Ничего, сейчас поговорим, и обратитесь за помощью к господину Ухватову, благо до его усадьбы несколько шагов.

– О чем говорить? – взвизгнула Оса.

– Ну, к примеру, почему вас кинул Эдик? Он же должен был вам помочь.

– Эдя никому ничего не должен, это ему все должны. Блин, у меня же теперь нос распухнет и синяки под глазами будут, – уже совсем другим тоном проговорила девица.

– Зато не придется краситься. Но мне плевать, что с тобой будет, я хочу знать, кто принял решение заманить меня сюда и избить? Сам Эдя?

– Не-е, – ответил Киря, – это его Ухватов научил. Он знает, что ты встречаешься с Алиной. А та, хоть во всем и поддакивает отцу, да только себе на уме. Ну, он и спросил Эдика, мужик тот или нет? В его, мол, время соперника ловили и метелили так, что он навсегда забывал дорогу к девушке. А оказывался слишком упертым, так мочили. Ну, Эдя сказал, мол, все понял, но надо, чтобы курсант, ты то есть, не смог хотя бы сутки общаться с Алиной, и тот пообещал. Тогда Эдя собрал нас, Оса сработала под Алинку, ты пришел, мы подъехали...

– И в результате оказались биты.

– Кто ж знал, что ты такой шустрый и с ремнем.

– Так кто из нас лох получается? Вы или я?

– Ну, мы, – буркнул Киря.

– Че ты языком треплешь, Киря? Неприятностей хочешь? – повернулся к нему державшийся за руку Юрок.

– А у меня неприятности уже есть. Порезы долго заживать будут. Да и тебе придется с лангеткой походить. А все из-за чего? Из-за того, что Эдя слишком много на себя взял. Один курсантик против троих качков! А где был третий, когда курсантик положил двоих!

– Троих, – добавила девица, – или я, по-вашему, легким испугом отделалась?

– С вами все ясно, – сказал Середин. – Хотите, двигайте к усадьбе Ухватова, но сомневаюсь, что он вас на порог пустит, даже если вы все кровью истекать будете, или же «Скорую помощь» вызывайте, сюда она подъедет быстрее, чем подойдет охранник Ухватова. Но один совет: держитесь от меня и Алины подальше, в следующий раз жалеть никого не буду. Да и от Эдика лучше отвалите. Он же сынок местного олигарха, ему позволено все, да вот только руками таких пешек, как вы. А надо отвечать, кто на зону пойдет? Эдик?..

– Ага, он пойдет! Пахан в момент отмажет, – проговорил Киря.

– Вот и включите мозги. А я пошел, некогда мне тут с вами. Спокойной ночи, малыши!

Середин вышел на железную дорогу, посмотрел на часы. «Свидание» немного затянулось, и вновь ему предстоял кросс. По пути он забросил в вагон с щебенкой грузового состава, следовавшего от Переславля в южном направлении, ремень. Теперь он мог оказаться ненужной уликой, так что пусть едет на юг, а он новый на складе отыщет. Начальник склада – свой человек.

Без десяти четыре Середин вышел к училищу, взобрался на брошенное строение, служившее когда-то то ли складом, то ли конторой, откуда был виден весь четвертый пост.

Курсант Шрамко явно нервничал, отмеривая шаги возле караульной вышки. Еще десять минут, и его сменят. Удастся ли передать сменщику информацию по Середину, который так некстати опаздывал? Роман выхватил фонарик, трижды мигнул. И тут же ему ответил сигнал прохода. Середин перемахнул забор.

– Ну, ты что, Рома? Не мог от зазнобы оторваться?

– Не было зазнобы.

– Не понял?

– Корешки ее назначенного отцом «женишка» в роще поджидали, пришлось помахать.

– У тебя щека кровоточит.

– Задел один урод.

- Ладно, потом поговорим, вали на полосу препятствий, а то сейчас Дуб смену приведет.
- Побежал.
- И аккуратней, Бородин в это время засады устраивает.
- Ничего. Спасибо, Дим.
- Вали!

Середин прополз через колючую проволоку, вышел на полосу препятствий. Теперь торопиться было некуда, надо аккуратненько пробраться до тыловой стороны казармы. Окно открыто, через него в кубрик, ну, а дальше – все, уличить его в «самоходе» не получится.

Сегодня Середину везло. Только он прошел «зеленой» зоной общежитие, как на углу казармы за деревом заметил дежурного по училищу. Тот занял хорошую позицию, но для контроля территории между парком боевых машин и старой столовой, место, которое используют курсанты, уходящие в «самоход».

Полковник смотрел на освещенную дорогу, и Роману пришлось ползком добираться до казармы. Это ничего, нормально, курсанта научили перемещаться бесшумно. Но как подняться, открыть окно и прошмыгнуть в кубрик без шума? Одна рама точно скрипнет. И опять ему повезло. На какое-то мгновение дежурный по училищу прошел за угол, а когда вернулся на исходную, курсант Середин был уже в кубрике. Быстро раздевшись до трусов, положив спортивный костюм на подвесную сетку, фонарь в тумбочку, кроссовки под нее, он вышел в коридор. Дежурный по роте сержант Василько сидел на подоконнике бытовки и сразу повернулся на шум:

- Ты?
- Я, Сеня!
- Нормально сходил?
- Как видишь.
- Я вижу, что у тебя кровоточащая ссадина на щеке. С кем схлестнулся?
- Мало ли уродов в городе?
- Это точно, но завтра на утреннем осмотре у ротного возникнут к тебе вопросы по поводу этой ссадины.
- Скажу, что с брусьев сорвался.
- Ну да, ты еще ляпни, что о косяк двери, когда в туалет шел, ударился, – усмехнулся сержант. – Это сказки для первого курса, Генсека на этом не проведешь.
- Ты предлагаешь рассказать все, как было?
- Соскучился по «губе» – рассказывай.
- Что ты предлагаешь?
- А что мне предлагать? Я бы сказал, что споткнулся в проходе о ботинок и загремел на тумбочку, но для этого надо, чтобы парни подтвердили. Версия, конечно, не ахти, но лучше, чем брусья.

– Ты прав, так и сделаю. А ты повнимательней будь, – предупредил Середин сержанта, – Бородин стоит на углу торца казармы. Вычисляет тех, кто пойдет от старой столовой или санчасти.

- Ну и хитер! И ведь поймает кого-нибудь. Туда трое со второго курса ушли, как раз время возвращаться. Ладно, пройду и я по территории, покажу, что службу бдим.
- Давай, а я в туалет, и спать. Хоть полтора часа, но мои. Все, Сень, пошел.
- И я пошел.

Дежурный по роте вышел на крыльцо, а Роман, вымыв лицо и ссадины холодной водой из крана умывальника, лег в кровать. Когда прогремела команда «Рота, подъем!», он так и не понял, спал или нет, ему показалось, что прошло всего несколько секунд, как он приложился головой к подушке.

На построении ротный сразу заметил его ссадину и скомандовал:

– Курсант Середин, ко мне!

Роман успел поговорить с товарищами, чтобы те подтвердили, что он случайно ударился о прикроватную тумбочку. Над версией посмеялись, но подтвердить согласились. Все же взвод – это одна семья. Конечно, и в ней иногда появлялись подлецы, но тех быстро отучивали «крысятничать» или стучать.

Середин подошел к командиру строевым шагом, приложил руку к виску:

– Товарищ капитан, курсант Середин...

– Отставить! – отмахнулся капитан Черненко и показал на щеку: – Что это?

– Ссадина.

– Вижу, что не засос. Откуда?

– Да вчера перед отбоем споткнулся о берцы, у нас же проход узкий, не заметил, а в руках куртка, подворотничок только пришел, ну, и загремел между кроватями прямо в тумбочку.

– И кому ты, курсант, лапшу на уши вешаешь? Это ты пропагандисту, что из института после военной кафедры в армию пришел, рассказывай. С кем, почему подрался?

– Не дрался я ни с кем. А если бы подрался, то разве стал бы гнать такой наивняк, товарищ капитан? Уж придумал бы что-нибудь правдоподобнее.

– Ничего не меняется в этом мире, – поправляя фуражку, усмехнулся командир. – Я имею в виду учебу в училище. Одни и те же залеты, одни и те же оправдания. Свидетели того, как врезался в тумбочку, есть?

– Так точно, человек пять видели, может, больше. Да вы у ребят спросите.

– Ты своей жене будешь указывать, что сварить на обед.

– Извините.

– После завтрака – в санчасть. Пусть медики справку выпишут о причине повреждения, заодно обработают ссадину. Справку вместе с объяснительной и докладными свидетелей мне на стол в канцелярию. Вопросы?

– Никак нет!

– Встать в строй!

– Есть! – Середин четко развернулся и, чеканя шаг, направился к шеренге взвода.

Он сделал, как приказывал ротный, и думал, что на этом все закончится, но ошибся. Во время занятий в лекционный зал вошел начальник кафедры. Рота по команде преподавателя встала, приняла положение «смирно».

– Вольно, – сказал полковник и, осмотрев зал, объявил: – Курсант Середин, за мной!

Роман вышел под сочувствующими взглядами товарищей.

В коридоре начальник кафедры приказал:

– Бегом марш в штаб! Вас, курсант Середин, вызывает начальник училища.

– Сам генерал? – вырвалось у Середина. Чего-чего, а этого он не ожидал.

– У нас один человек носит генеральские погоны. Бегом марш, курсант!

В фойе штаба Романа встретил помощник дежурного по училищу.

В общем-то, помощником должен был заступить командир роты, от которой назначался караул, наряд по столовой и весь основной внутренний наряд, но что-то изменилось, и помощником дежурного заступил командир девятой роты, недавно прибывший из войск старший лейтенант.

– Середин?

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Приведи себя в порядок, оправься. Что натворил-то?

– Да ничего вроде.

– Вот именно, что вроде. А может, дома случилось что?

– Не знаю, меня никто ни о чем не предупреждал.

– Ладно, двигай в кабинет начальника училища. Ради твоей персоны он перенес утреннее совещание с заместителями.

– Есть!

Середин прошел к отсеку, огороженному красной парадной лентой, на пьедестале которого стояло Боевое знамя с часовым первого поста в парадной форме, отдал честь знамени и двинулся к приемной. Молодая девушка-прапорщик подняла над очками слегка накрашенные глаза:

– Курсант Середин, десятая рота?

– Так точно!

– Минуту. – Она нажала клавишу командира.

– Да? – ответил начальник училища.

– Прибыл курсант десятой роты Середин.

– Пусть войдет! – приказал генерал и отключил связь.

Девушка указала на дверь с табличкой «Начальник училища»:

– Проходите, товарищ курсант.

Середин вошел в тамбур, из него в просторный кабинет, передняя часть стены которого была завешана картой России, и приблизился к рабочему столу начальника училища:

– Товарищ генерал-майор, курсант Середин по вашему приказанию прибыл!

Генерал посмотрел на него, оценил внешний вид. Конечно же, заметил припухшую ссадину, обработанную йодом в санчасти.

– Значит, курсант Середин?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Вопрос первый, курсант, ночью в самоволку ходил? Только правду, курсант, ненавижу, когда мне лгут.

Герой Советского Союза, генерал-майор Тревин Анатолий Борисович пользовался в училище непререкаемым авторитетом. Дважды по два года служил в Афганистане, взводным ротным, комбатом. Был трижды ранен, кроме Золотой Звезды Героя и ордена Ленина, китель его украшали колодки орденов Красного Знамени, Красной Звезды, «Мужество», «За заслуги перед Отечеством», несколько рядов медалей. В тридцать лет он командовал полком, и не по благу, а за реальные заслуги, в тридцать пять стал начальником штаба дивизии. Он мог сделать блестящую карьеру, командовать дивизией, корпусом, армией, округом, но полученные на войне раны со временем начали давать о себе знать, появилась легкая хромота. Его непосредственный начальник, ныне министр обороны, несмотря на заключение медиков, не дал уволить боевого офицера, но и оставлять в боевых частях и соединениях тоже не мог. Тревину были предложены должности военного комиссара области и начальника училища. Он выбрал училище, все же личный состав, учебно-боевые работы, живая работа, а не бесконечная бухгалтерия в военкомате. Авторитет у офицеров и курсантов он заслужил сразу же. И в первую очередь порядочностью, открытостью, уважением к младшим по званию, бескомпромиссностью и справедливостью принимаемых решений. Тревин, как Боевое знамя, стал, без преувеличения, символом училища, примером для всех. Поэтому соврать ему Середин никак не мог.

– Так точно, товарищ генерал-майор, ходил!

– Вопрос второй, почему обманул командира роты?

– Виноват!

– Вот только этого, курсант, не надо. Виноват, так точно, никак нет. Отвечать по существу.

– Ему правды сказать не мог.

– Понятно, не хотел подставлять товарищей?

– Так точно, товарищ генерал.

– В драке у коттеджного поселка участвовал?

- Так точно.
- Ссадина оттуда?
- Так точно.

Начальник училища пододвинул к себе ежедневник:

– Мне звонил начальник Управления МВД по области, сообщил, что ты, курсант Середин, будучи в самовольной отлучке, около трех часов ночи напал на четверых молодых людей, среди которых одна девушка. И зверски избил троих, в том числе девушку. Четвертому, сыну одного из богатых и влиятельных в городе людей, Эдуарду Рудину, удалось скрыться на собственной машине. В 4.00 Юрий Попов, Кирилл Ковалев и Ольга Осина были доставлены «Скорой» в БСМП, где врачи приемного покоя зафиксировали у парней раны, нанесенные неизвестным острым предметом, у девушки повреждение лица. В 8.00 названные лица через адвоката господина Рудина подали в полицию заявления о совершенном на них нападении. Это как понять, курсант Середин?

– Извините, товарищ генерал, но вы не подумали, каким образом эти невинно и зверски избитые молодые люди узнали и то, что я – курсант венного училища, и мою фамилию, имя? Ведь, по их словам, именно я, а не кто-то другой вдруг ни с того ни с сего напал на них?

– Я думал об этом и ответа на данный вопрос не нашел. Не считая того, что потерпевшие могли знать тебя раньше и ты за что-то отомстил им, – внимательно посмотрел на курсанта генерал.

– Я знал одного, вернее, слышал о нем. Это Эдик, который бросил своих поделщиков и скрылся на «Хонде».

- Вот как? Уже интереснее. Продолжай!
- Это займет немало времени.
- Я сказал, продолжай.

Пришлось Роману рассказать все о своих отношениях с Алиной, реакцию на эти отношения ее отца, о неожиданном звонке девушки, в общем, все, что касалось его, Алины, ее семьи и что произошло вчера днем и ночью.

Генерал слушал внимательно, не перебивая. Очень ценное качество человека, особенно начальника, уметь выслушать другого, тем более подчиненного.

Говорил Середин долго, подробно. Выслушав его, Тревин посмотрел в окно:

- Дождь, наверное, будет.
- Что? – не понял Роман.
- Ничего, это я так, свою молодость вспомнил. Она в чем-то схожа с твоей. Ладно, значит, тебя выманили из училища. Но как ты не понял, что по телефону говорила не твоя девушка?
- У Осы точно такой же голос.
- У Осы? – удивился генерал. – Что еще за Оса?
- Это так парни называли раскрашенную девицу.
- Ну, что ж. Мне все понятно, – кивнул командир и снял трубку коммутатора.
- Да, Анатолий Борисович? – ответила девушка-прапорщик.
- Соедините меня с начальником УВД.
- Есть.

Не прошло и минуты, как генерал Белоступов ответил:

- Слушаю вас, Анатолий Борисович.
- По поводу ваших утверждений об участии курсанта училища в избиении молодых людей у коттеджного поселка.
- Да, Анатолий Борисович, надеюсь, нападавший определен?
- Я хочу вам, Вячеслав Алексеевич, ответственно заявить, что курсанты училища к нападению не имели никакого отношения.
- Вы так быстро провели внутреннее расследование? – удивился начальник УВД.

– Вячеслав Алексеевич, я не обязан отчитываться перед вами.

– Но в деле есть доказательства причастности курсанта Середина к избиению граждан...

– Я уже слышал фамилии пострадавших. Если у вас есть доказательства, подчеркиваю, доказательства, а не домыслы вашего заместителя полковника Гривкина, так яростно взявшегося за расследование, по сути, к сожалению, обиденного сейчас явления, то передайте их в военную прокуратуру, естественно, в тесном взаимодействии со следственным комитетом. И вот что очень интересно в этой истории, Вячеслав Алексеевич, пострадавшие откуда-то очень хорошо знают курсанта Середина. Настолько хорошо, что все в один голос указали на него. А вот курсант пострадавших не знает. Кроме того, у меня на столе десяток докладных записок от сокурсников Середина, от его непосредственного командира и от дежурного по училищу, где указано, что прошедшую ночь курсант Середин неотлучно находился в казарме. И последнее. Я не дам свалить вину за избиение молодых людей на своего курсанта. И для этого, как вам должно быть известно, у меня есть определенные возможности. Надеюсь, вам понятна моя позиция?

– Понятна, Анатолий Борисович, – ответил Белоступов.

– И еще, Вячеслав Алексеевич, до меня довели информацию, что молодые люди, подвергшиеся нападению, открыто носили форму националистической радикальной организации с фашистской символикой. У нас сейчас что, подобное разрешено? Или это позволительно только великовозрастным отпрыскам богатеньких коммерсантов и чиновников? Если вы, как представитель МВД в регионе, с этим миритесь, то я, как представитель Вооруженных сил, терпеть подобный беспредел не намерен. И обязательно подниму данный вопрос на ближайшей коллегии Министерства обороны.

– Ну, зачем же так кардинально, Анатолий Борисович. Единственный случай, и сразу в Москву? Мы во всем разберемся. Думаю, что дело Середина нет никакой необходимости передавать в военную прокуратуру, поскольку, скорее всего, в ближайшее время оно будет закрыто.

– Я не вмешиваюсь в вашу работу. Но вот ответ на вопрос, откуда пострадавшие знают курсанта Середина, хотел бы получить. Впрочем, вы не обязаны отвечать на мои вопросы. До свидания, Вячеслав Алексеевич.

– До свидания, товарищ генерал-майор!

Начальник училища бросил трубку на рычаги коммутатора и посмотрел на Середина:

– Значит, так, курсант, запомни, никакой самоволки не было, травма действительно получена в казарме, пострадавших ты знать не знаешь, ну, а отношения с девушкой и ее родителями – твое личное дело и никого не касаются.

– Понял, товарищ генерал-майор.

– Подожди понимать. Сколько человек знают реальную историю?

– Про «самоход» – трое-четверо, о драке – один.

– Предупреди их, чтобы не мололи языками. Узнали – забыли.

– Понял. Насчет этого не беспокойтесь.

– И помни, Середин, если бы причиной самоволки и драки явилась иная ситуация, а не необходимость в действиях, то ты был бы отчислен из училища и передан в руки правосудия.

– Я запомню.

– А теперь ответь, ты уходил и возвращался через пост?

Середин замялся, отвечать правдиво значило подставлять Шрамко.

– Ну, в чем дело? – неожиданно улыбнулся начальник училища. – Почему молчим?

– Товарищ генерал, разрешите не отвечать на этот вопрос?

– Ступай на занятия, курсант!

– Спасибо, товарищ генерал.

– Бегом марш на занятия!

– Есть!

Середин вылетел из кабинета, подмигнул девушке-прапорщику, чем вызвал ее недоуменный взгляд, и побежал в учебный корпус.

Генерал Тревин тем временем пригласил к себе командира десятой роты капитана Черненко и командира батальона подполковника Маслова.

Бросив в сердцах трубку городского телефона, Белоступов взглянул на своего заместителя полковника Гривкина, хорошего знакомого и Ухватова, и Рудина:

– Дело Середина закрыто. Потерпевшим забрать заявления. Тебе поговорить с Рудиным. Какого хрена он со своими недоумками носит фашистскую символику?

– Но, Вячеслав Алексеевич... – растерянно посмотрел на начальника Гривкин.

– Никаких «но»! – повысил голос генерал. – Или ты хочешь, чтобы вся эта мутная история, подробности которой тебе очень хорошо известны, была передана Тревиным в Москву? Забыл, кто его друг?

– Черт, неудобно выйдет!

– А мне плевать, удобно тебе или неудобно. Запомни, Александр Михайлович, возникнут проблемы с сыном Рудина, я сам сдам тебя как сообщника преступной группировки.

– Какой группировки, Вячеслав Алексеевич?

– Иди отсюда, а? И быстро подчищайся. Дружков и подружку Рудина избил неизвестный, личность которого в данных условиях установить не представляется возможным. Все, уйди с глаз долой!

Заместитель начальника УВД забрал бумаги, по которым так и не доложил начальству, и вышел из кабинета.

Глава вторая

Середин вернулся в учебный корпус в перерыв лекции. В курилке его тут же обступили товарищи. Всех интересовало, почему Романа вызывал сам начальник училища, но особенно тех, кто подтверждал ротному, что Середин получил травму от удара о тумбочку. Понятное дело, рассказать правду Середин не мог, отделался рассказом о том, что генерала заинтересовал доклад из санчасти. Обо всех обращениях курсантов или солдат батальона обеспечения с подобными травмами начальник медицинской части должен был докладывать лично начальнику училища. Это было хорошо известно, поэтому объяснение всех вполне удовлетворило. Перекур подошел к концу, рота вернулась в лекционный зал. Но сюрпризы в этот день не закончились. После занятий рота, как всегда повзводно, построилась перед корпусами для следования в расположение. Команда еще не была отдана, как к третьему взводу десятой роты подошел помощник дежурного по КПП:

– Кто из вас будет Середин?

– Ну, я, – ответил Рома, – а в чем дело?

– Там к тебе девушка приехала, очень просила подойти. Она даже такси не отпустила.

Видать, что-то важное сказать хочет.

Середин взглянул на заместителя командира взвода старшего сержанта Леонида Бабаяна:

– Леня! Я метнусь туда-обратно? Подойду к столовой.

– А если ротный будет проводить построение на обед?

– Доложи, что отпустил меня на КПП. Это же в твоей власти, в отсутствие командиров.

Но капитан наверняка уже дома щи хлебает.

– Ладно, иди. Но в столовой быть точно по распорядку.

– Конечно.

Роман передал сумку товарищу по отделению и поспешил на КПП. В этом городе приехать к нему могла только Алина. А может, посланная ею подруга, которая должна сообщить, что между ним и дочерью Ухватава все закончено? Нет! Только не это!

Курсант вышел на КПП, сильно волнуясь. Дежурный прапорщик стоял в проходе, за решетчатой дверью – Алина. От сердца немного отлегло. Роман двинулся вперед, но прапорщик перегородил дорогу. Середин знал этого прапорщика, еще два года назад он служил рядовым в батальоне обеспечения учебного процесса. Такой тихий заморыш.

– А где «разрешите», товарищ курсант?

Роман вспомнил его фамилию, данного типа недавно упоминали на построении БОУПа, казарма которого располагалась напротив торца десятой роты. Ваняткин. Запоминающаяся фамилия.

– В сторону уйди, Ваняткин!

– Какое неуважение к старшему по званию!

– Послушай, старший по званию, мне сейчас не до тебя. И я имею полное право выйти в зону свиданий с гостями, а также в комнату для гостей.

– Только в исключительных случаях с разрешения дежурного КПП, а свободно – пожалуйста, с 20.00.

– Ты, придурок, в рожу захотел? – сквозь зубы процедил Середин. – Так я быстро это организую, и ни один курсант этого, как ни странно, не увидит. Ну что?

Ваняткин смелостью не отличался.

– Ладно, ступай, пользуйся моей добротой.

– Ты бы заткнулся, добряк, а то точно сегодня кто-нибудь тебе настучит по пустой башке, – выходя, бросил через плечо Роман и подошел к девушке: – Привет!

– Привет, ой, а что это у тебя на щеке?

– Ерунда! Пойдем в комнату для посетителей, там сейчас никого нет, поговорим спокойно.

– Пойдем, но у меня мало времени. Отец с утра очень злой, сорвался на меня, мол, учиться надо, а не таскаться по улице. Это я-то таскаюсь? Все бы так таскались.

Середин усадил Алину на стул, сам присел напротив.

– Понять не могу, что с ним произошло? – продолжала она. – Такое ощущение, словно у него крупные неприятности на работе.

– У него неприятности другого рода, Алина. Скажи, почему ты не отвечаешь на мои звонки?

– Глупая история, Рома. Я случайно сломала телефон. Села в кресло, а он там лежал. Ну, и пополам. Вот, – достала она телефон, – новый купила. Сейчас я на связи, номер тот же. Ты звонил мне?

– Да.

– Ну, извини, Ром, по городскому до тебя не дозвониться, а в школе никто не дал свой телефон, только посмеялись, мол, дочь богатенького Буратино, так моего отца называют одноклассники, и без телефона, когда даже у уборщицы «труба» есть. Я не стала упрашивать, а вечером попросила его у матери. Но и она не дала, сказала, отдохни от этих штучек. У меня еще и ноутбук забрали.

– Да, – проговорил Середин, – твой отец хорошо готовился.

– Ты о чем, Рома?

Он рассказал ночную историю.

– Господи, так это у тебя от удара? – воскликнула Алина, показывая на ссадину.

– Ерунда, дружки твоего «женишка» получили гораздо более серьезные повреждения.

– Почему ты называешь Эдика моим женихом? Он мне не жених. У меня есть только ты. Почему ты вымещаешь злость на мне? В чем я виновата? В том, что мой отец не хочет, чтобы мы были вместе?

– Извини, Алина, просто с утра у меня были проблемы. Но все вроде обошлось.

– Я приеду домой и устрою скандал. В конце концов, я взрослый человек и имею право сама решать, с кем быть.

– В том-то и дело, что пока ты ничего сама решить не можешь, – вздохнул Роман. – Вот когда окончишь школу, когда тебе исполнится восемнадцать лет, тогда другое дело. Кстати, а почему ты не в школе?

– Прогуляла, чтобы встретиться с тобой и объяснить свое молчание.

– Могла бы просто позвонить.

– Я еще очень хотела увидеть тебя.

– Мы сможем в субботу встретиться. У меня увольнение, если, конечно, не лишат за вчерашние ночные гонки.

– Я не смогу в субботу, Ром.

– Почему? – удивился Середин.

– Отец сказал, что всей семьей поедем за город. Ремонт городского дома начали, теперь по выходным туда будем ездить.

– И туда же, конечно, твой отец пригласил Эдика!

– Может быть! Но что я могу сделать? Одно обещаю, я с ним даже словом не обмолвлюсь. Все будет хорошо, Рома. Во мне ты не сомневайся, позовешь, пойду хоть на край света, и никакого наследства мне не надо. И уж тем более разрешения у родителей спрашивать не буду. Все, Рома, мне пора.

– Подожди, всего один вопрос, – задержал девушку за руку Середин.

– Ну если один... – улыбнулась Алина.

– Скажи, где Эдуард проводит вечера?

- А тебе зачем это? – сразу нахмурилась она.
- Мы с ним не закончили разговор, он сбежал как трусливый заяц.
- Рома, оставь его, а?
- Алина, если сейчас не расставить все точки над *i*, то дальше будет только хуже. Тебя вообще могут отправить на учебу в Англию.
- Не могут. Для этого нужно мое согласие, а его отец не получит ни за что.
- И все же, Алина, где проводит вечера Эдуард?
- Ты меня обижаешь, Рома, откуда мне знать? Я с ним по вечерам не встречаюсь, и ты это прекрасно знаешь.
- Может, слышала случайно?
- Не знаю, может быть, в ночном клубе «Ринг»?
- Клуб «Ринг», это тот, что в Московском районе?
- Да, рядом со стадионом. Но это не точно, Рома, просто однажды Эдик приглашал меня туда, описывая, как там весело, уютно, безопасно. Я, естественно, отказалась, но он настолько подробно описывал прелести этого заведения, что вполне можно предположить – он там бывает часто.
- А на субботу твой отец не пригласил его в Ромашкино?
- Нет, это точно. Мы поедем вчетвером.
- Кто четвертый?
- Водитель, Рома. Отец сам редко садится за руль.
- Понятно. Пойдем, я провожу тебя.
- У такси Середин поцеловал Алину.
- До свидания, Рома. Звони, – сказала она.
- Обязательно. До свидания.
- Девушка уехала, а Середин прошел на КПП.
- Не боишься, курсант, связываться с малолеткой? За нее, вернее, за растление малолетних большой срок предусмотрен, – ухмыльнулся дежурный.
- А для тебя, Ваняткин, предусмотрен левый хук в правую челюсть.
- Ладно, ладно, ступай, борзый! А девочка ничего, хорошая девочка.
- Ты закроешь пасть?!
- Сказал, ступай, а то меры приму. Я все же на дежурстве.
- Скажи еще, на боевом. Да что с тобой базарить? Себя не уважать.
- Середин посмотрел на часы и бегом помчался к столовой, благо новая находилась рядом. Он успел вскочить в строй, как только старшина отдал команду:
- Рота! Стой! Напра-во! В столовую – шагом марш!
- Рота толпой вваливалась в просторную столовую, еще пахнущую свежей краской.
- Самоподготовку отменили. В училище должен был прибыть командующий военным округом, поэтому всех курсантов бросили на уборку территории. До ужина вылизали всю территорию. Впрочем, особых усилий не требовалось, она всегда находилась в должном порядке. Просто что-то подкрасили, где-то подбелили, подмели от опилок спортивные площадки.
- Вернулся из караула первый взвод. Разоружившись и сдав в ружкомнату оружие, Шрамко тут же нашел Середина, который был назначен на полив клумб.
- Здоров, Рома!
- Привет, давно не виделись, – улыбнулся Середин, бросив шланг и включив воду. – Как служба прошла?
- Нормально. Без происшествий. А вот ты, как сказали парни, все же залетел с «самодомом».
- Не совсем так.
- Давай рассказывай, время есть. Да и обещал ты.

– Присядем.

Друзья устроились на скамейке, и Середин подробно рассказал Шрамко о стычке в роще у коттеджа Ухватова, о благополучном возвращении в казарму, о подозрениях ротного и, наконец, о визите к начальнику училища и беседе с ним.

– Это что получается, Рома, генерал лично отмазал тебя? – удивился Шрамко.

– Получается так, но это строго между нами.

– А я-то думал, чего это полковник Бородин, заявившись в караулку перед инструктажем нового караула, решил поговорить со мной.

– О чем спрашивал?

– Да общие вопросы задавал. Но обмолвился, пост, мол, идеальное место для самовольщиков, если курсанты договорятся между собой, и спросил, не так ли, курсант Шрамко? Ну, я, конечно, ответил – только идиот пойдет через пост, один уже сходил. Он как-то странно посмотрел на меня и дрюкнул взводного, как пацана прогнал по Уставу караульной службы. Но Чуб службу знает. Ответил, как прочитал. Полковник ушел. Он, наверное, от генерала получил за то, что пропустил тебя. Ну, теперь, Рома, жди, обозлится Бородин. На тактике и отыграется.

– Плевать! – бросил Середин.

– Рома, по-моему, ты что-то недоговариваешь.

– Да нет, хотя в обед Алина приезжала.

– Зачем, можешь сказать, или это тайна?

– Нет, не тайна.

– Та-ак! Понятно, – выслушав друга, протянул Шрамко.

– Что тебе понятно?

– То, что в субботу вместо приятного отдыха будем ловить козла Эдика.

– Ну все ты просекаешь с полуслова, – улыбнулся Роман.

– Чего тут просекать? Тебе не дает покоя мысль, что этот Эдик будет частенько навеваться в загородный дом Ухватова, и ты решил снять проблему. Я не прав?

– В общем, прав.

– А отпустят теперь нас в увольнение?

– Вот это, конечно, вопрос. Но если генерал приказал мне молчать о самоволке, то и ротного с комбатом предупредит, так что оснований лишать увольнения у ротного не будет.

– Ага! А как же проход через пост во время моей смены?

– Об этом я даже генералу не сказал.

– А то никто не выдаст, как ты свалил из училища. Так вот, одно дело – замолчать этот случай, и совсем другое – оставить его безнаказанным. А докопаться, сам знаешь, и до фонаря можно. Не так «честь» отдал, не натерты до блеска берцы, хреново кровать заправил, да мало ли до чего можно докопаться и тут же лишит увольнения.

– Ну, если лишат, то в самоволку не пойдем.

– Само собой. Теперь за тобой особый контроль ротный организует. Не успеешь через забор сигануть, как патруль приберет.

– Я думаю, все гораздо хуже – только подумаешь о самоволке, а ротный уже знать о планах будет. Так что никаких «самоходов». Рано ли поздно нас отпустят в город. Получится, найдем Эдика, а нет, так и черт с ним, но предпочтительнее найти, и не позже ближайшей субботы.

– Как говорится, Рома, будем жить, будем посмотреть. Хорошо, что сейчас отделался легким испугом. А дальше видно будет. Но идея насчет Эдика правильная. Надо пообщаться с этим козлом.

Напрасно беспокоился насчет увольнения Середин. О ночном происшествии скоро все забыли. Взводный ни слова не сказал, ротный делал вид, что ничего не произошло, комбат на беседу не вызывал. Чувствовалось влияние начальника училища, сказал, забыть всем, все и забыли. Поэтому с увольнением в субботу проблем не возникло. Сразу после обеда старшина

распорядился, чтобы увольняемые получили парадную форму и построились для осмотра. Увольнительные записки выдал командир роты. Группа увольняемых, в числе которых были инструкторы Середин и Шрамко, прошла проверку дежурного по училищу и получила разрешение на выход в город до 22.30. В субботу отбой объявлялся в 23 часа, подъем в воскресенье, соответственно, в 7.00, в отличие от остальных дней, когда подъем объявлялся в 6.00, отбой в 22.00.

– Ты не в курсе, Вова Ковров среди увольняемых был? – выйдя за КПП, спросил Шрамко.

– Не видел, а что?

– Да, ничего, на хату его родителей мы и без него зайдем, но с ним удобнее.

– Не видел.

Владимир Ковров учился во втором взводе. Сам из Переславля, он еще при сдаче экзаменов в группе абитуриентов познакомился с Шрамко и Серединым. Ребята сдружились, поступили в училище, попали в одну роту. Так как Ковров был местным, то предложил друзьям хранить у себя дома гражданскую одежду, в которой гораздо удобней и безопасней ходить в увольнение. Родители ничего не имели против этого и радушно встречали курсантов, первым делом кормили их, предоставляли комнату для отдыха. Но до отдыха ли было молодым парням, получившим возможность окунуться в штатскую жизнь. Более того, после того как курсанты получили удостоверение на право управления транспортным средством, отец Владимира, Алексей Сергеевич, предложил ребятам свою подержанную, но еще вполне работоспособную красную «девятку», которой уже не мог пользоваться из-за ухудшения зрения. Конечно, больше «девятку» водил сын Ковровых Владимир, но, если было надо, машину брали и Середин, и Шрамко.

Курсанты проехали до остановки «Круг», недалеко от которого жили Ковровы. Алексей Сергеевич и его жена Валентина Григорьевна оказались дома. А вот Владимир позвонил и сказал, что в увольнение не придет. Валентина Григорьевна усадила ребят за стол, накормила домашним борщом, пельменями. Наевшись, они переоделись в «гражданку», Шрамко – в узкие модные брюки, бежевую рубашку и строгие туфли, Середин надел джинсы, майку и бессменные, практичные, фирменные кроссовки. Алексей Сергеевич поделился с ними дорогой туалетной водой и спросил:

– Что намерены делать, молодые люди?

– В город зоопарк приехал, – ответил Шрамко, – туда хотели сходить, потом в Центральный парк культуры и отдыха, вечером надо в Московский район наведаться, ну, а после, если хватит времени, на училищную дискотеку.

– Понятно. Вам потребуется машина.

– Да не помешала бы, – проговорил Середин.

– Берите. Вчера моторист приходил, двигатель посмотрел, подкрутил что-то, реле поменял, машина как часы стала работать.

– Она и раньше неплохо работала, – заметил Роман.

Алексей Сергеевич достал ключи, документы, чистый бланк доверенности:

– Держите. На кого выписать доверенность, сами решите.

– Решим.

– Да, вот еще ключи от гаража. Он на верхний замок закрыт. Сторожа кооператива вас знают, выпустят. А если кто новый дежурит, пусть позвонит мне!

– Спасибо, Алексей Сергеевич.

– Не за что, развлекайтесь.

Курсанты вышли из дома, прошли в гаражный кооператив, выгнали на открытую площадку перед строящимся домом красную «девятку».

Шрамко, сидевший за рулем, повернулся к Середину:

– И куда поедем? Где будем искать Эдика?

– Сейчас его искать без толку. Он если и объявится, то у ночного клуба, и не раньше 9 часов. Так что давай пока проедемся по городу, вдруг встретим его?

– Номер «Хонды» помнишь?

– Конечно. У нее еще отметка должна быть на заднем крыле.

– Как бы Эдик не загнал свою тачку в автосервис. У папаши наверняка знакомые, а ему ездить на битой машине вроде не по рангу.

– Ну, если и поставил, то позавчера, работы там на день от силы, вчера должен был выгнать из сервиса. Такие, как Эдя, без машины долго обойтись не могут, они за пивом на машине ездят.

– Это точно, значит, по городу?

– Да, но сначала я позвоню Алине.

– Кстати, а почему ты слова не сказал о встрече с ней?

– Потому что сегодня вся семья Ухватовых должна уехать в загородный дом.

– А! Ну, звони.

Середин набрал номер.

Девушка ответила тут же, но шепотом:

– Да, Рома, здравствуй!

– Привет, Алина! Ты чего шепотом?

– Мама в соседней комнате. Сейчас выйду на балкон, подожди!

Спустя полминуты она уже заговорила в полный голос:

– Мы сейчас собираемся. Такое ощущение, что уезжаем из дома навсегда, столько вещей берем! Особенно продуктов. И зачем? В Ромашкино приличный магазин.

– Отцу виднее.

– Знаешь, Рома, у меня какое-то тревожное чувство.

– Что может случиться, Алина? Ты только одна на водоем не ходи, да из усадьбы тоже, и все будет хорошо.

– Я так и сделаю, но все равно, плохо мне что-то на душе.

– Ты, наверное, перенервничала из-за происшествия в роще.

– Может быть. А может, просто боюсь твоей встречи с Эдиком. Ты не хочешь отказаться от этой идеи?

– Обещаю тебе, Алина, я всего лишь поговорю с ним. И даже могу сказать, о чем. Вернее, о ком. О тебе. Чтобы он отстал от тебя и знал, что мы любим друг друга и никто не помешает нам быть вместе. Я хочу, чтобы его не было рядом с тобой. Вот и все.

– Но это же произойдет, как я поняла, поздним вечером, у клуба или внутри, где у Эдуарда наверняка много знакомых. И охрану он тоже знает. Я не за него, я за тебя переживаю.

Середин сделал паузу, ему в голову пришла неплохая мысль:

– Я мог бы не ездить к клубу, если бы знал, где живет этот Эдик или где он бывает днем.

– Адрес я могу сказать, а вот где обитает днем? По-моему, он говорил, что отец заставляет его каждый день играть в теннис и он с четырех до пяти постоянно в спорткомплексе «Юбилейный».

– Ты у меня умница! Когда вы выезжаете?

– Да уже мама зовет. Мне пора. Береги себя, любимый. Все, прощай!

«Прощай» вырвалось как-то произвольно, и Середин не обратил на это никакого внимания. Его «до свидания» Алина уже не слышала, отключив телефон.

– Ты чего лыбишься? – спросил Шрамко, выходящий во время разговора покурить и только что вернувшийся. – Алина никуда не едет и планы кардинально меняются?

– Нет, Диман, Алина впервые сказала, что любит меня.

– А то ты этого не знал. Да на ваших лицах написано, что вы обречены быть вместе.

– Это такое счастье! Тебе не понять.

– Это почему же мне не понять?
– Ты не переживал такого сильного чувства. Чувства, ради которого и жизни не жалко.
– Хорош гнать, Ром! Не люблю я этих «высоких» слов.
– А еще я узнал, что Эдуарда Рудина папенька ежедневно заставляет ходить на теннис в спорткомплекс «Юбилейный», с четырех и до пяти, причем следит за этим строго.
– Ну, теннис сейчас модно. Если не машешь ракеткой, то ты не элита.
– Ты слышал, что я сказал?
– Ну? Эдик занимается теннисом... Погоди, как я сразу не въехал! Сейчас 16.30, и наш клиент в спорткомплексе?

– Вот именно.
– Так чего мы стоим? Рвем к «Юбилейному».
– Успеем?
– Я по Окружной рвану, в новом микрорайоне будем через двадцать минут, а «Юбилейный» как раз на окраине, ближе к Окружной стоит. Место там отличное. Парковка сбоку от здания, а вокруг молодые березы, метров под пять, и кустарник декоративный. Когда приезжают знаменитые артисты или проходит хоккейный матч, там не протолкнуться, а в обычные дни, когда ни артистов, ни спортсменов нет, там пусто.

Шрамко хорошо водил машину, еще до училища научился, и город знал неплохо. В субботу транспортный поток был не такой насыщенный, как в будничные дни, к спорткомплексу друзья подъехали через двадцать семь минут. На стоянке было всего три машины, и среди них черная «Хонда».

– Она? – кивнул на нее Дмитрий.
– Она!
– Точно?
– Издеваешься? – сердито взглянул на Шрамко Роман.
– Нет, вдруг не она?
– Я запомнил номер, и если приглядеться, то видно вмятину.
– А почему Эдик не отогнал тачку в автосервис?
– Это ты у него спроси.
– Верно. Потому как встречу этого козла я. Увидев тебя, он бросит и тачку, и сумку, рванет в микрорайон или назад в комплекс так, что и моргнуть не успеешь. А меня он не знает. Я для него обычное быдло, да еще на подержанной «девятке». Подойду, попрошу закурить, заговорю, а тут и ты подвалишь. Затащим его в кусты, там и поговоришь. Спокойно, без свидетелей, а я на «шухере» постою. Как тебе мой план?

– А если он тебя на хрен пошлет?
– Конечно, пошлет.
– И ты сдержишься?
– Не обещаю, но постараюсь не повредить челюсть, чтобы мог говорить.
– Ты... Стоп, Дима! Эдик!..

Из-за угла спорткомплекса вышел молодой человек в дорогом фирменном спортивном костюме, белоснежных высоких кроссовках, такой же бейсболке и со спортивной сумкой на плече, из которой торчал чехол рукоятки ракетки.

– Франт, ничего не скажешь! Хозяин жизни, если не сейчас, то в скором будущем.
– Это и есть Эдик.
– Пацан вроде ничего, а дерьмо. Ну что, работаем по моему плану?
– Давай. Но если что, бей не сильно, а лучше вообще не бей.
– Тебе оставить? Нам и на двоих этого ублюдка хватит. Пригнись.

Середин пригнулся, чтобы его не было видно, Шрамко проехал на «девятке» вдоль строя из трех машин, остановился прямо напротив «Хонды», дверь которой уже открывал Эдуард Рудин, и окликнул его, выходя из машины, перегордившей «Хонде» выезд:

– Эй, чувак! Закурить не найдется?

– Ты это мне? – брезгливо взглянул на него Эдик.

– По-моему, кроме нас, тут никого нет.

– Я не курю. И убери свою развалюху, я выезжать буду.

– А ты чего грубишь?

– Свалил, чудик! – Гонора Эдику хватило, а вот способности открыто противостоять противнику нет. Он открыл багажник, бросил туда сумку. И недовольно посмотрел на подошедшего Шрамко: – Ну, чего еще?

– Чего, спрашиваю, грубишь, или ферзь какой?

– Послушай, нагрубил – извини, я действительно не курю, и сигарет у меня нет. Не хватает денег – дам. Сколько? – вздохнув, уже миролюбиво проговорил Эдик.

– А сколько стоит твоя челюсть?

– Что?!

– ...Тебе в лицо, сволочь!

Шрамко без замаха врезал Эдуарду в челюсть. Впрочем, врезал – сильно сказано, ударил вполсилы, но и этого хватило, чтобы тот упал на асфальт. При этом у него из кармана куртки выпали два пакетика с белым порошком.

– Оп-па! А это что за хрень, Эдя?

– Откуда... откуда ты меня знаешь? – Эдуард хотел отползти от этого агрессивно настроенного парня, но Шрамко наступил ему на ногу:

– Место, Тузик! Что за хрень, спрашиваю? – и поднял пакетик.

– Это не мое! Вы из полиции?

– Ага! Из полиции Лос-Анджелеса, отдел по борьбе с придурками.

– Что вам надо?

– Ничего. Впрочем, кое-что надо, но это уже тебе объяснит другой, знакомый тебе человек.

Эдуард попытался выхватить телефон, но Шрамко ловко перехватил его:

– Дорогой! Штук сорок, наверное, стоит.

– Больше. Хочешь, забери, и расходимся.

– Я не грабитель, – усмехнулся Дмитрий и повернулся к «девятке»: – Рома, клиент созрел! Даже, по-моему, перезрел.

Середин вышел из машины.

Увидев его, Эдуард побледнел. Он понял, что на этот раз его провели как лоха, и весь гонор тут же слетел с него.

– Середин?

– Я, Эдя, я!

Шрамко показал другу пакетики:

– Смотри, Рома, что-то мне подсказывает, в пакетике наркота. А ну-ка. – Он разорвал пакет, попробовал порошок на вкус. – Так и есть, «кокс».

– Ты откуда знаешь? – удивился Середин.

– А у нас дома один адвокат этой херней промышлял. Я в отпуске был, когда его взяли, ну, и попал в понятия. Полицейский объяснил, как отличить кокаин или героин от, скажем, сахара или другого безвредного порошка. Надо было убедиться, что в пакетах, а там по сто штук таких пакетиков было. Так что, Рома, Эдик наш кроме того, что дерьмо ишачье, еще и наркоман. Или, что гораздо хуже, распространитель наркотиков, в том же ночном клубе «Ринг». Чего

теперь с ним базарить? Давай вызовем полицию, а до них представителей СМИ, чтобы потом дело не замяли.

– Ну, зачем, Дима, ломать жизнь человеку? Он хоть и полное дерьмо, но все же человек.

– Дело твое. Он твой клиент. А я бы его сдал.

– Сними-ка нашего Эдю с пакетиками на «мобилу», да в разных ракурсах. И подожди, пока я с ним поговорю.

– Без вопросов. Но я бы его сдал. Такого не жалко.

Шрамко отошел за «девятку», и Рудин поднялся, потирая челюсть.

– Как ты думаешь, Эдя, что произойдет, если твой пахан узнает о том, что его сын связан с наркотой? – облокотившись на «Хонду», спросил Роман. – А если об этом узнают в университете? Но и это не главное, как, по-твоему, захочет ли господин Ухватов иметь в будущем зятя-наркомана?

– Я не употребляю наркотики.

– Ну, тогда мы сейчас отвезем тебя в училище.

– В училище? Почему в училище?

– На тот случай, чтобы тебя по-тихому не отмазал отец. Потом он, конечно, разберется с тобой и, думаю, довольно жестко, но опять-таки в кругу семьи, так, чтобы не узнали посторонние. В училище же генерал не даст скрыть твою причастность либо к наркомании, либо к наркоторговле. У него тоже связи, так что тобой плотно займется наркоконтроль. И папаша не поможет. Да, повезем-ка мы тебя в училище, туда же отца пригласят, медиков, сотрудников Управления по незаконному обороту наркоты, полицию.

– погоди, курсант, – поднял руки Рудин. – Признаю, я сделал глупость, что решил наказать тебя. Но ведь любой конфликт можно замять. Тебе наверняка нужны деньги? Я сейчас позвоню одному человеку, и он привезет, скажем, сто тысяч долларов.

– Ты свои вонючие «бабки» знаешь куда засунь? Не старайся, не договоримся, хотя... есть вариант.

– Какой? – встряхнулся поникший было Эдуард.

– Ты хотел, чтобы я отстал от Алины.

– Это мой и ее отец хотят этого...

– А я хочу, чтобы вы все отстали от девушки.

– Я к ней близко не подойду, но на родителей повлиять не могу.

– Тебе и не надо влиять. Главное, скажи, что не желаешь видеть девушку, у тебя, мол, есть другая.

– Меня все равно заставят.

– Что? Как бычка облизанного на веревке поведут к Алине?

– Нет, но отец будет настаивать.

– А ты упрись. Если же не можешь, тогда остается одно – предать огласке твою причастность к употреблению или распространению наркоты. Неизвестно еще, что хуже. Вот тогда тебя к Алине и близко не подпустят, и отец три шкуры сдерет, если, конечно, не загремишь на зону. Это тоже можно устроить.

– Ладно, согласен!

– С чем согласен?

– Я не буду встречаться с Алиной. Как бы ни настаивал отец, меня около нее не будет.

– Верное решение, тем более что я по-любому не дал бы тебе испортить ее жизнь. Сейчас ты в диктофон телефона подтвердишь, что имел при себе героин...

– Кокаин, – машинально уточнил Эдуард.

– Еще лучше, кокаин. Расскажешь, что твои родители и родители Алины в створе и хотят поженить вас вопреки желанию девушки, для чего применяют не только родительское влияние, но угрозы и прямое давление на несовершеннолетнюю девочку и на тебя. Ты же не

желаешь участвовать в этой авантюре и обещаешь не подходить к Алине. Понятно, что эту запись к делу не пришьешь, но, появившись в Интернете, она вызовет большой резонанс. Представляешь, как обрадуется твой отец, господин Ухватов с женой, твои однокурсники, когда увидят это видео и услышат твое признание. Это будет похуже протокола и следствия.

– Может, обойдемся без этого?

– Нет, Эдя, не обойдемся. Либо так, либо в училище.

– Хорошо, – согласился Рудин. – Но где гарантия, что я выполню свое обещание, а вы нет?

– Послушай, чмырь ты болотный, это у вас обещание пустой звук, мы же слово держим.

– Ладно, все равно у меня нет выхода.

– Конечно нет. Вернее, выход есть, и не один, но все они ведут в одну сторону, сторону больших проблем для тебя.

– Давай закончим с этим!

Середин включил диктофон и кивнул:

– Говори, Эдя, по порядку. Начни с того, что ты сегодня, в субботу, 12 апреля, имел при себе два пакетика кокаина, чтобы... и далее по теме.

Рудин сказал все, что требовалось, и, закончив монолог, спросил:

– Все? Я могу уехать?

– Можешь. Одно предупреждение. Господин Ухватов сегодня должен вывезти, наверное, уже вывез семью в загородный дом в Ромашкино. Так вот тебя там не должно быть, равно как и вообще рядом с Алиной. Это понятно?

– Понятно!

– А теперь проваливай, недоносок!

Роман повернулся к Шрамко:

– Шрам! Мы обо всем договорились, освободи проезд.

– И ты не разрешишь мне на прощание «приласкать» эту гниду?

– Достаточно того, что ты уже сделал.

– Да? Ладно, как скажешь, – вздохнул Шрамко и сдал «девятку» назад.

Рудин хотел поднять пакетик, но Середин потребовал:

– Не трогать!

– Сам захотел толкнуть? Или попробовать? – усмехнулся Эдуард.

– Мой друг, пожалуй, прав, сказать ему, чтобы занялся тобой?

– Да идите вы вместе с другом!

Эдик сел в «Хонду» и, рванув с места, быстро скрылся за поворотом.

– А что с наркотой делать будем? – подошел к Роману Шрамко.

– Как что? То, что с ней и следует делать. – Середин высыпал порошок на асфальт. Подхваченный легким ветром, он разлетелся по всей стоянке. Целлофан Рома выбросил в кусты. – Вот и все!

– Это ж сколько денег ты пустил на воздух, Рома?

– Не знаю и знать не хочу. Но Эдя точно кому-то будет должен довольно крупную сумму.

– Папаша даст.

– Это их дело.

– Уверен, что снял проблему?

– Он не дурак, этот Эдя. Понял, что, в случае чего, мы можем доставить ему очень много неприятностей. Так что, думаю, к Алине он больше не сунется. А это то, что надо.

– И все же следовало до кучи его отделать. А то как-то скучно вышло. Я ему и врезать от души не смог, хотя очень хотел.

– Все, Дим, закрыли тему с Эдуардом.

– И куда сейчас?

– Заедем, поужинаем в каком-нибудь кафе недорого, вернем машину Алексею Сергеевичу, переоденемся, и в училище.

– А чего там делать?

– Сходишь на дискотеку, а я в казарме полежу.

– Ну, тогда в кафе заходить нет смысла. Валентина Григорьевна обязательно за стол усадит и накормит получше любого кафе. И отказываться бесполезно.

– Тоже верно, тогда к Ковровым.

Друзья сели в машину, выехали на ближайшую улицу микрорайона, и Шрамко повел «девятку» через город. Середин достал сотовый телефон, набрал номер Алины. Если не сможет ответить, то хоть SMS сбросит.

Но телефон девушки молчал. В принципе, это понятно, семья могла еще ехать до своего загородного дома, хотя до села Ромашкино от города было не больше тридцати километров. Оно располагалось на высоком живописном берегу Оки, окруженное девственными лесами, прудами и озерами. Хорошее место, дорогая земля. Но Ухватов мог себе позволить подобную роскошь.

Ребята поставили «девятку» в гараж, прошли в дом Ковровых. Валентина Григорьевна, как и предполагал Дмитрий, тут же отправила их мыть руки, сама же накрыла на стол. Во время ужина Алексей Сергеевич включил телевизор, который ютился на крохотной кухне в подвешенном состоянии, и начал щелкать пультом.

– Что ты там ищешь, Леша? – спросила Валентина Григорьевна.

– Наше, местное телевидение.

– Сдалось оно тебе! Какие у нас могут быть новости? У нас, если что происходит, власти предпочитают замалчивать. Вон недавно на проспекте дорожное полотно обрушилось, и в яму машина угодила, об этом знали все, кроме местных журналистов.

– Это потому, что обошлось без жертв. И проспект за ночь заделали.

– Или ты хочешь узнать, сколько Министерство культуры затратило денег на ремонт и покраску забора в селе, где родился знаменитый писатель? Так я тебе и без телевизора скажу, Ольга, что в администрации работает, говорила, десять миллионов рублей.

– Сколько? – на мгновение оторвался от пульта Ковров.

– Десять миллионов рублей.

– Это за тот забор, что дом писателя окружает?

– Причем только с трех сторон, сзади забора нет, так как там спуск к реке.

– Ни хрена! Да за десять миллионов все заборы в области покрасить и отремонтировать можно.

– Краска, наверное, особенная, откуда-нибудь из Австралии завезенная.

– Прикарманили бабки, – проговорил со злостью Ковров, всю жизнь горбатившийся на тяжелом производстве и сейчас получавший копеечную пенсию, – а аппетиты у наших чиновников, как у акул. Сволочи! И кого же вы, ребятки, защищать собираетесь?

– Ну, уж точно не чиновников, Алексей Сергеевич, а таких, как вы и Валентина Григорьевна.

– Эх, помню, в каком почете раньше офицеры были. Сам хотел в военное училище поступать. Куда там! У нас в каждом не менее десяти человек на место было. А вот и наш канал. Кажется, что-то случилось, мост показывают, пролом, ух ты, внизу перевернутая машина, сделаем погромче.

Кухню заполнил голос диктора:

«... таким образом, водитель, скорее всего, зацепив обочину, не справился с управлением машины, и она, пробив отбойник моста, рухнула на бетонные волнорезы. Повторяю, сегодня в 17 часов 40 минут на двадцать втором километре восточного шоссе произошла автомобильная катастрофа. С моста на волнорезы реки Оки рухнул «Мерседес», государственный номер...

принадлежавший известному в городе предпринимателю и меценату Ухватову Максиму Юрьевичу. Сам Ухватов, его дочь Алина Максимовна и водитель Ивашов Иван Георгиевич погибли на месте. Супруга Ухватова умерла по пути в больницу. Сейчас мы передадим слово представителю ГИБДД...»

– Этого не может быть, – проговорил побледневший Середин и вдруг закричал не своим голосом: – Нет!!

– Что это с ним? – ахнула Валентина Григорьевна.

Шрамко сорвался с места, присел рядом с другом, сжал его в своих руках:

– Не надо, Рома. Успокойся.

– Отвали!

– И не надейся. Успокойся, сказал, мужик ты или нет?!

– Но ты же слышал, Алина погибла!

– Слышал, друг, я все слышал. Но разве ты можешь что-то изменить?

– Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит с Романом? – выключив телевизор, спросил Ковров.

– Объясню, – кивнул Дмитрий. – В автокатастрофе погибла девушка, которую Рома любит, вернее, уже любил, и она его любила, они пожениться собирались.

– Это дочь Ухватова, что ли?

– Да.

– Черт, надо же так! Ром! Ты успокойся, а? Слезами, как говорится, горю не поможешь.

– А их, Алексей Сергеевич, слез-то и нет, как, впрочем, уже ничего нет. И никогда не будет.

– Ну, парень, какие твои годы...

– Не говорите так, – перебил его Рома и тут же спросил: – У вас водка есть?

Алексей Сергеевич посмотрел на Шрамко, но тот только молча пожал плечами.

– А хуже не будет, Ром? Как бы вразнос не пошел.

– Хуже, Алексей Сергеевич, мне уже не будет. Вразнос не пойду, обещаю, мне боль бы немного ослабить. Не могу, стальными клещами рвет сердце. Очень вас прошу!

– Ну, ладно.

Ковров достал из холодильника початую бутылку водки. Хотел налить стакан, но Роман взял бутылку в руки, выпил граммов триста, что в ней оставались, и даже не поморщился.

– А закурить есть?

– Ты ж не куришь.

– Уже курю.

– На, мне не жалко.

Роман прикурил сигарету, закашлялся, потушил ее в пепельнице.

– Не могу.

– Как теперь в училище идти, Рома? Как отметить увольнительную у дежурного?

– Как-нибудь. Пойдем, не могу я здесь.

– Вы уж извините нас, – сказал Шрамко, поднимаясь. – Спасибо вам за все, мы пойдем.

Курсанты переоделись и, попрощавшись с родителями однокурсника, вышли на улицу. До училища шли пешком. Шрамко внимательно следил за Серединым. Тот ушел в себя и молчал. Молчал и Дмитрий.

У входа в штаб их встретил стажер, курсант из одиннадцатой роты:

– Рома?! Ты не охренел, в таком виде являться в штаб?!

– Не трогай его, Витя, – сказал Шрамко.

– Так ведь дежурный сразу вычислит, что он пьян. Давайте ваши увольнительные и проваливайте в расположение. Я отмечу их и потом через кого-нибудь передам в роту.

Но отметить по-тихому не получилось. Из штаба вышел помощник дежурного, недавно прибывший из другого училища старший лейтенант:

– Что я вижу? И кто это у нас такой борзый пить в увольнении и еще в штаб иметь наглость припереться?

– Отвали, старлей! – процедил Середин.

– Что? – взорвался тот. – Ты вообще страх потерял, курсант, или мозги оставил в пивной или где ты водку жрал?

– Сказал, отвали, – уже с угрозой проговорил Роман.

Шрамко попытался объяснить с помощником, но того как ветром сдуло. Вместо него появился дежурный, подполковник Гукалов:

– В чем дело? Ага! Понятно. Всем в комнату дежурного!

Середин первым зашел в штаб. Старшего лейтенанта не было, но появился начальник училища. Уж что он делал в субботу на рабочем месте, неизвестно.

– Середин?

– Так точно, товарищ генерал.

– Очень приятно. К тебе по-человечески, а ты?

– Разрешите обратиться, товарищ генерал-майор, – вышел вперед Шрамко. – Сегодня вечером на восточной трассе произошла автокатастрофа.

– Слышал. И что?

– В ней погибла девушка Середина, Алина.

– Вот как? – Начальник училища задумался, потом неожиданно приказал: – Середина до утра понедельника на гауптвахту! Приказ ясен, Юрий Петрович? – взглянул он на подполковника Гукалова.

– Так точно, товарищ генерал-майор.

– Но за что? – воскликнул Роман. – За то, что у меня...

– Отставить, курсант! Я отправляю тебя на гауптвахту за нарушение дисциплины, и... чтобы ты не наделал глупостей. В твоем состоянии можно пойти на все. По поводу же девушки прими мои соболезнования. Все, дежурный, вызывайте караульных и начальника караула. В понедельник Середина заберет командир роты, и ко мне после развода. Впрочем, с капитаном Черненко я поговорю сам.

Начальник училища ушел, а прибывшие караульные во главе с начальником караула увели Середина. Шрамко проводил друга до караульного помещения:

– Держись, Рома!

Середин не ответил.

Глава третья

Три года спустя. Северный Кавказ

Надрывая двигатель, БМП-2 прошла наконец серпантин и вышла на плато. Сидевший на броне в окружении трех солдат взвода старший лейтенант Середин вызвал на связь командира блокпоста, стоящего на высоте 102,1, своего друга еще по училищу старшего лейтенанта Шрамко:

- Пихта, Я – Ольга! Как слышишь?
- Слышу тебя, Ольга! А наблюдатели видят, – ответил Дмитрий.
- Иду к тебе.
- А я думал, к пограницам.
- Напрасно думал. До встречи.
- Давай, встречаем.

БМП-2 взвода Середина прошла километр по испещренному оврагами, балками, покрытому валунами и камнями плато, миновала селение Марты, которое механик-водитель решил обойти, на главной улице было много детей, копавшихся в пыли, не дай бог, зацепишь или заденешь кого. После селения механик прибавил обороты, ловко маневрируя между балками. Пройдя еще два километра, БМП прошла открытые ворота из бруса и колючей проволоки, сразу свернула вправо и, объехав полевую кухню, позицию третьего отделения, встала, качаясь у массивной железной двери большого квадратного здания с косой крышей, построенного из железобетонных блоков. Вместо окон – бойницы, никакой штукатурки, сверху видны крупные швеллера усиления бетонной крыши. Такому зданию не страшны минометные обстрелы, орудия БМП, крупнокалиберные пулеметы БТРов и попадания выстрелов гранатометов, если, конечно, снаряд, патрон или граната не попадут в бойницу.

Середин с бойцами спрыгнул с брони. Из люка вылез механик-водитель, сняв шлемофон, протер полотенцем грязное лицо.

Из здания через скрипучую дверь к ним вышел старший лейтенант Шрамко:

- Привет, Рома!
- Привет! Как ты тут? От скуки еще не воешь по вечерам вместе с шакалами?
- Нет. Нахожу занятие.
- Нарды?
- Не только. Тебя чего прислали-то?
- А ты не рад?
- Рад, но понять не могу, для чего тебя послали на этот богом забытый пост.
- Тебе разве не сообщили?
- Сообщили о том, что ты направлен ко мне, причин ротный назвать не соизволил.

Середин повернулся к своему заместителю сержанту Константину Вдовушкину, находившемуся в составе сопровождения командира, к которому прилипло прозвище «Вдова»:

- Костя, БМП к капониру танка, после чего всем в отсек отдыха личного состава.
- Пообедаем здесь, товарищ старший лейтенант? – поинтересовался замкомвзвода.
- Нет. Не будем объедать парней первого взвода.
- Не объедите, тут запасов жратвы на две смены, – усмехнулся Шрамко.
- Вот и пусть остается. Через неделю тебя меняем мы.
- Как скажешь. А БМП оставьте здесь, не помешает.

Офицеры прошли в здание блокпоста.

Так уж получилось, что Середин и Шрамко после окончания Переславского училища получили назначение в один и тот же округ, в одну и ту же бригаду, более того, в один батальон и даже роту, где служили уже два года. Бригада имела задачу поддержки пограничных застав

на южной границе и пресечения прорывов крупных бандформирований. Правда, за эти два года в зоне ответственности батальона, где служили Середин и Шрамко, прорывов не было. С территории Чечни однажды пыталась пробиться в Грузию банда Салтанова, но вся осталась у высоты 102,1. Впрочем, в банде было всего двенадцать боевиков, шли они ночью, информации о выставленных вдоль границы блокпостах, по всей видимости, не имели, вот и налетели на пост роты капитана Девина. Бой длился всего несколько минут. Трое «духов» сумели выйти из обстрела, отошли в селение Марты, заняли там дом, захватив в заложники двух пожилых людей. Пришлось выходить к селению взводу отдельной штурмовой роты. Бойцы окружили усадьбу, подготовившись к штурму, но старик, хозяин дома, сам снял проблему, умудрившись вытащить из-под кровати охотничье ружье. Двух боевиков подстрелил сразу из двух стволов, третьему раскроил череп прикладом. Боевой оказался старик, весной умер, следом за супругой. Сейчас в этом доме проживала молодая семья.

В командном отсеке, где вместе с командиром находился взводный связист, Середин стянул с себя куртку, оставшись в майке-тельняшке.

– Жарко тут, Диман.

– Ты мне скажи, за каким чертом тебя заставили тащиться сюда сорок с лишним верст?

– Дело вот в чем, Дима. Сегодня ночью, а точнее, в 0.30, границу в районе седьмой заставы прорвала крупная банда штыков в двести. По данным разведки, это банда Мадраса.

– А ему что понадобилось у нас?

– Что-то понадобилось, и довольно серьезное. При прорыве погибло четырнадцать пограничников во главе с заместителем начальника заставы. Совершив прорыв, банда тут же разделилась на мелкие, не более пяти человек, группы и растворилась в горах. Мобильные пограничные группы не смогли взять след ни одной из них. Облет местности «вертушками» тоже ничего не дал. В Управлении ФСБ по району опасаются, что Мадрас вышел на тропу войны для проведения террористических актов в населенных пунктах Кавказа, дабы дестабилизировать успокоившуюся было обстановку.

– Понятно, – кивнул Шрамко. – Но это можно было сказать по связи. И, насколько мне известно, седьмая застава стоит юго-западнее нашего поста, а напротив нас шестая застава.

– Верно. А сколько километров от седьмой заставы до нашего поста?

Шрамко пододвинул к себе карту:

– Шестнадцать по прямой, ну а обходя ущелья, и вообще участки перевалов, все тридцать будут.

– Тридцать километров. А где стоит пост роты соседнего батальона?

– Ты что, решил мне экзамен устроить?

– Ну, что ты, Дима, так где?

– У Тахта-Юрта.

– Точно. За скалистым большим перевалом, что примыкает к перевалу Герди, который мы можем созерцать и без оптики. Причем от седьмой заставы до блокпоста тридцать четвертого батальона по прямой двадцать семь километров. И там гораздо труднопроходимее, чем здесь.

– Ты сказал, что банда попытается прорваться через наш блокпост?

– Так не я считаю, Дима, так считают в Управлении ФСБ и в штабе бригады.

– И тебя послали на усиление.

– Мог бы и понять, что нет.

– Я все понял, кроме одного – за каким хреном для передачи данной информации прислали тебя? Комбату или ротному делать нечего?

– В штабе батальона посчитали, что Мадрас может иметь аппаратуру перехвата переговоров в эфире, и решили, что так будет надежней.

Шрамко задумался. Затем взглянул на друга:

– Так, говоришь, двести рыл?

– По свидетельству пограничников, отлично подготовленных, прекрасно вооруженных рыл. У них есть и гранатометы, и пулеметы, кто-то видел и носильщиков с ящиками из-под боеприпасов.

– Но у них нет БМП и танка!

– Этого нет, но разве сложно и нас лишить техники?

– Ты проверяющий?

– Я – твой друг. Нет, не могу находиться здесь, это парилка, а не отсек. Пойдем, Дима, на смотровую площадку. Там хоть и солнце, но ветерок какой-никакой, – предложил Середин.

– Ну пойдем, посмотрим на перевал, «зеленку».

Офицеры поднялись на крышу здания, по периметру которой на полметра высились бетонные балки. Сюда, на случай нападения, для обороны по расчету должны выходить командир взвода, гранатометчик и пулеметчик третьего отделения, контролировавшего плато, и по одному стрелку из каждого отделения. Над зданием развевался российский флаг.

Шрамко протянул Середину бинокль. Роман осмотрел перевал, два разделявших его ущелья, ближнее Атылюх, восточнее – Джекум, и спросил:

– В ущелье кто-нибудь ходил?

– Мы – нет, а разведка была, заходила от «зеленки». Командир разведгруппы сообщил, что в горах все чисто.

– Когда это было?

– Позавчера.

– А после прорыва?

– После прорыва только ты наведалься.

– Банда может спокойно скрыться в «зеленке».

– Может, – согласился Шрамко.

– Но до нее по плато километр двести метров.

– Ну и что?

– Соберутся, потом разделятся. Подъем на перевал из «зеленки» несложный, часть останется в лесу, часть пойдет в ущелье. А до него уже восемьсот метров, и между ущельями километр. Могут организовать штурм поста с трех направлений. А у нас против них два отделения.

– Три отделения, три БМП-2 и один танк Т-72. Огневой мощи хватит, чтобы разбить банду на дальних подступах.

– Третье отделение снимать нельзя, Дима. Часть «духов» может зайти в тыл, используя балки и овраги. Да еще каменная гряда, что в трехстах метрах от поста между лесом и перевалом.

– Ты, Рома, говоришь так, будто уверен, что «духи» обязательно ломанутся на блокпост.

– А это для них самый короткий путь в долину.

– Но и мы не чабаны. Потом, у нас есть танк.

– И что твой танк? Ну, откроет огонь осколочно-фугасными, а «духи» его из РПГ-7.

– До рубежа досягаемости поста из гранатометов еще дойти надо.

– А если остальные скопом ударят с тыла? «Семьдесят второму» придется выходить из капонира, обходить здание, и за позицией твоего отделения, которое ты планируешь снять в случае нападения, он окажется открытым для гранатометчика.

– Да не загружай ты меня, Рома, страшилками, – поморщился Шрамко. – Отобьемся, откуда бы ни заходили «духи» Мадраса. Сколько раз он пытался развернуться на Кавказе? Десяток случаев уж точно наберется. И чем заканчивались вылазки? Всегда Мадрас уходил за кордон, бросив убитых и раненых. По-моему, он не совсем дружит с головой, либо ему платят не за результат, а за факт проникновения на нашу территорию.

– Не нравится мне твоя беспечность, вернее, самоуверенность, Дима. Дело-то серьезное.

– Вот когда начнется дело, тогда и будем решать, что и как делать.

– Ты не исправим, – покачал головой Середин.

– А с чего бы мне исправляться? Я не нашкодивший пацан, чтобы исправляться.

Вдруг снизу донеслось:

– Товарищ старший лейтенант, у селения машина комбата и санитарный «УАЗ».

– Без охранения?

– Ни «бэтээра», ни БМП не видно, может, на серпантине застряли?

– Хорошо, передай приказ всем привести себя в порядок и быть в готовности занять позиции обороны.

– Ты не знал, что сюда собирается и командир батальона? – удивленно посмотрел на Романа Шрамко.

– Нет! И это странно.

– Не нравится мне эта суета. Чего суется раньше времени? Пойдем встречать начальство.

Офицеры спустились в здание и вышли на улицу к открытым воротам.

«УАЗ» встал прямо перед Шрамко и Серединым, санитарная машина прошла за угол, к БМП взвода Середина.

Из «УАЗа» вышел командир батальона майор Сорокин. Шрамко подал команду «Смирно» и двинулся на доклад к комбату, но тот отмахнулся:

– Вольно!

– Вольно, – продублировал команду взводный.

– Ну, что у тебя тут, Шрамко? – спросил Сорокин.

– Да ничего особенного, товарищ майор.

Комбат взглянул на Середина:

– Передал информацию о прорыве боевиков?

– Так точно. Иначе зачем бы я сюда приезжал?

– Много говоришь, Середин.

– Какой вопрос, товарищ майор, такой и ответ.

– А ты все норовишь нарваться на неприятности. Я вот думаю, у тебя борзость от рождения или приобретенная?

– От рождения.

– Ну, тогда это диагноз. Пройдемте в командный отсек.

Комбат со взводными обошли здание. «Таблетка» – медицинский «УАЗ» – стояла возле БМП. Водителя нет, двери закрыты, но что странно, наглухо зачехлены окна салона.

– Интересно, что здесь делает санитарная машина? – спросил Середин.

– Сейчас все узнаете. Само собой, не просто так, – ответил комбат, заходя в отсек начальника штаба, и тут же приказал связисту: – Солдат, оставь нас, побудь на улице!

– Есть, – ответил рядовой Копылов и, отложив гарнитуру радиостанции Р-159, вышел из отсека.

Комбат присел на место начальника поста, отложил бумаги, лежавшие на столе, и положил перед собой схему минных полей:

– Так, что мы имеем, полоса минных заграждений шириной в пятьдесят и длиной в семьдесят метров на удалении в десять метров перед первым отделением. Такая же полоса перед вторым. А вот с тыла мин нет. Почему?

Младшие офицеры переглянулись.

– Это вопрос к саперам, – ответил Шрамко. – Мы принимаем то, что есть. Да и зачем минное поле с тыла?

– Под вечер пришло саперов, закроют тыл и перекроют полосы восточного и южного направлений. Работы будут ночью, обеспечить их всем необходимым, – словно не слыша его, произнес комбат.

– А чем я могу их обеспечить? – спросил Шрамко. – У них все всегда при себе.

– Обеспечить работу.

– Это значит не мешать?

– Далее! – Майор отложил схему в сторону. – В «санитарке» группа разведки батальона, шесть человек.

– Так чего они парятся в салоне?

– А почему я привез их в «таблетке»?

– Не было других машин? – пожав плечами, предположил Шрамко.

– Ответ неправильный, – покачал головой Сорокин. – Если банда Мадраса решит прорываться в долину через это плато, то она уже находится либо в «зеленке», либо на перевале. Либо там и там. Днем «духи» будут отдыхать, что не означает отсутствие наблюдения за постом. Мадрас, перед тем как совершить прорыв, все посмотрит, оценит, спешить не станет, даже если ограничен по времени. Следовательно, что? Следовательно, вполне вероятно, блокпост сейчас внимательно изучается. Так что пока не будет готово место для временного размещения разведчиков внутри здания, они останутся в машине.

– Где же мне их разместить? – воскликнул Шрамко. – Пост рассчитан на взвод!

– Потеснишься. Отдай команду своему заместителю, чтобы установил пять дополнительных кроватей вторым ярусом.

– Но если «духи» ведут наблюдение, то они засекут и саперов, и разведчиков, люди же выйдут за пределы поста, – заметил Середин.

– Они применяют маскировку. Разведка уйдет балкой сначала к Марты и уже от селения начнет работу. Если обнаружат противника, вернуться тем же путем и останутся на усилении поста, если не обнаружат, выйдут с севера.

– Значит, у меня еще и саперы останутся? – спросил Шрамко.

– Нет. Как закончат, уйдут на базу. При обнаружении противника мы подтянем сюда взвод Середина.

– Вот почему я сижу здесь и слушаю то, что вроде меня не касается, – кивнул Роман.

– Не только поэтому. Тебе через неделю заступать на блокпост. До этого Мадрас может продержаться банду в горах. Его планы нам неизвестны. Но то, что он прорывается в долину, – точно.

– Может, не пойдет этим плато?

– Может, и не пойдет. Но тогда ему придется делать обходной маневр километров этак шестьдесят-семьдесят, преодолевая перевалы. Двести рыл с оружием, дополнительным снаряжением и арсеналом тащить по перевалам и тяжело, и опасно. Заметит авиация, и, как говорится, кранты, разбежаться не успеют, как «Ми-24» накроют банду. Или дальняя артиллерия. Поэтому данное плато – самый удобный для Мадраса вариант выхода в долину.

– Это не считая блокпоста. Его, как ни старайся, мелкими ли группами, крупными или единым отрядом, никак не обойти. Нет, конечно, небольшая группа может зайти в тыл. Но только для нападения, для продвижения дальше пути нет, балка тыловая, выходит на плато в трехстах метрах от поста, – сказал Середин.

– Вот именно, для нападения группа «духов» в тыл зайти может. А он у нас не прикрыт минным заграждением. Это и направление. Ты, Шрамко, чего сидишь? – повернулся комбат к Дмитрию. – Я же сказал, подготовь места для разведчиков.

– Уже ушел.

Когда Шрамко вышел, Сорокин кивнул Середину:

– Ты выдвигаешься на базу со мной! Заодно обеспечиваешь охранение. И держишь взвод в полной готовности выдвинуться сюда в случае появления боевиков Мадраса.

– У меня взвод всегда готов.

– Промолчать не мог?

– Мог, конечно.

Комбат достал пачку сигарет, закурил и, выпуская облако дыма, неожиданно произнес:

– Хреновая обстановка, старлей. Чую, Мадрас ударит по посту. Вопрос, когда?

– Вы что-то об авиации говорили?

– Комбриг поставил задачу приданному звену «крокодилов» с завтрашнего дня совершать облеты территории района. Что это даст, не знаю. Здесь плотная «зеленка», да и горы покрыты растительностью, особенно много ее в ущельях. Но по-любому Мадрас будет знать, что, в случае необходимости, пост будет прикрыт и с воздуха.

– Если «духи» не вступят в контакт с бойцами поста. И если у Мадраса нет на вооружении ПЗРК. Сами же говорили, пограницы докладывали о помощниках в банде, что тащили ящики. А в них может быть что угодно. И «Мухи» и «Шмели», и выстрелы к РПГ, и ящики с патронами, и переносные зенитно-ракетные комплексы. По патрулирующим «вертушкам», понятно, они стрелять не будут, себе дорожке выйдет, но при штурме, при наличии ПЗРК, обязательно выставят зенитные расчеты и «приземлят» все «Ми-24» одним залпом.

– Не каркай!

– Да тут, товарищ майор, хоть каркай, хоть не каркай. Плохо, что у нас нет данных о вооружении «духов». Внешняя разведка должна бы отслеживать ситуацию в пограничных районах соседнего государства.

– Не все может и внешняя разведка. Но СВР – это СВР, у нас же своя, конкретная задача – не допустить прорыва бандформирований в долину, и мы обязаны ее выполнить.

– Ну, если должны, товарищ майор, то выполним, – улыбнулся Середин.

– Сейчас поставят второй ярус, на складе оказалось восемь кроватей, столько же матрасов и подушек, но без белья и одеял, – доложил вернувшийся Шрамко.

– Ничего, одеяла сейчас не нужны, да и без простыней и наволочек обойдутся. Когда будет готов отсек отдыха?

– Замкомвзвода доложит.

– Сразу же по готовности лично проводишь разведчиков в отсек. Туда же доставь им и обед, и ужин, они не должны светиться на территории. Понял, Шрамко?

– Так точно, товарищ майор!

Комбат затушил сигарету, ударил ладонями по столу, встал.

Поднялись и молодые офицеры.

– Середин, готовь своих и выводил следом за «таблеткой» к воротам, – приказал Сорокин, затем повернулся к Шрамко: – Тебе, Дима, усилить, но скрытно, наблюдение за перевалом, в частности, за ущельем и «зеленкой». Боевому охранению смотреть и за тылами. Вопросы?

– Никак нет, товарищ майор.

– По разведке?

– Все ясно.

– По саперам?

– Ясно.

– Удачи, Шрамко!

– Благодарю.

Роман поднял руку, прощаясь с другом, и вскоре колонна из командирской машины, санитарного «УАЗа» и БМП-2 в замыкании пошла дорогой через Марты к серпантину, выходящему в долину.

Разведчики по одному прошли в сектор отдыха.

Командир группы старший лейтенант Валерий Козин, убедившись, что подчиненные устроены, прошел на командный пункт, в сектор начальника блокпоста. Он хорошо знал Шрамко, в одном батальоне служили. Поприветствовали они друг друга раньше, как только группа покинула санитарный «УАЗ», поэтому разговор продолжался без предисловий:

– Ты сам-то, Дим, что-нибудь подозрительное замечал за прошедшие сутки? Я имею в виду зону ответственности.

– Нет. Да особо и не разглядывал ни перевал с ущельем, ни «зеленку», бойцы охранения ни о чем странном или подозрительном не докладывали. А ты, Валера, тоже считаешь, что «духи» пойдут через наше плато?

– Да, Дим. И без штурма блокпоста не обойтись. Не пройти его окольными путями, и на то, что Мадрас решится на сложный марш в обход плато на примыкающий перевал, чтобы по-тихому влиться между постами, рассчитывать не приходится. Слишком загружены «духи», чтобы сайгаками прыгать по горам.

– Это я уже слышал. Как ты собираешься проводить разведку?

– Отойдем балкой в тыл, оттуда в обход селения к «зеленке». Посмотрим, что там. Если чисто, то разделимся и двумя подгруппами перевалим за Герди, оценим ущелье на удалении до трех километров на север. Никого не встретим, вернемся со стороны Атылюха.

– А если встретите, и уже в «зеленке»?

– В первую очередь сообщу тебе об этом, ну, а затем... – Старлей вдруг запнулся: – Но зачем тебе специфика нашей работы?

– Специфика не нужна, я думаю, как вы за темное время сможете и «зеленку» обследовать, и перелезть через перевал, и посмотреть ущелья. В прошлый раз разведка только на ущелье целый день потратила, а он гораздо длиннее ночи.

– Ничего, пройдем, лишь бы результат был.

– Ты говоришь так, словно только и мечтаешь о том, чтобы встретиться с «духами».

– Такова моя задача, определить, вышла банда Мадраса в район плато или еще собирается в кучу где-нибудь в горах.

– Но если вы нарветесь на боевиков, то шансов выжить у вас нет, это ты понимаешь?

Козин присел на стул и, прикурив сигарету, сказал:

– Отвечаю на твой вопрос. Я все прекрасно понимаю, Дима, но на то мы и разведка, чтобы не нарываться по глупости на «духов». Встречный бой вероятен только в случае, если и Мадрас пустил вперед небольшие разведывательные дозоры. Вот на них налететь можно очень даже легко. Ну, что ж, их группа, моя группа, побегаем, постреляем, отойдем к посту.

– Если дадут отойти. Я тебе, даже если будешь погибать на виду, помочь не смогу. Ну, разве что огневой поддержкой орудий танка и БМП.

– И на том спасибо. Но, думаю, все обойдется. Ребята у меня опытные, все контрактники, на боевые ходили не один десяток раз. Прорвемся.

– Кто бы знал, как я не люблю это «прорвемся». Не прорываться, Валера, мы должны, а наступать, по всему фронту. Вот почему в этом районе рассредоточили только батальон? Ведь ясно, что батальонных сил недостаточно, чтобы держать такой сложный рубеж. Почему не два батальона, не три? Почему не усиливают погранзаставы? Сложно посадить к ним в тыл по мотострелковой роте, пусть даже без техники? Если бы сделали это, хрен бы Мадрас прорвал границу. Да и не стал бы он соваться к нам, зная, что и граница на замке, и все выходы в долину перекрыты так, что мышь не проскочит, а та, что проскочит, будет уничтожена авиацией. Если усиливать границу, то усиливать по-настоящему, а наше командование хреню какой-то занимается. Шесть человек посылают на разведку трех, можно сказать, отрезанных, удаленных друг от друга труднопроходимых районов. Это как? Умно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.